

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ВЫП. XV

АФРИКА И АЗИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1973

В. Б. Блэк

НЕКОТОРЫЕ ПАМЯТНИКИ ИСКУССТВА ЗАКАВКАЗЬЯ ЭПОХИ РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ

(Первая половина и середина II тысячелетия до н. э.)

Во II тысячелетии до н. э. в Закавказье на основе культуры III тысячелетия до н. э. окончательно оформилась культура эпохи бронзы. В это время в Закавказье продолжало интенсивно развиваться скотоводство. У племен, владевших большими стадами и месторождениями меди, сосредоточились значительные материальные богатства, которые дали им возможность вести широкий обмен не только с соседними племенами, но и со странами Передней Азии. О процессе резкого имущественного расслоения, а также о высоком уровне изобразительного искусства можно судить по роскоши и богатству некоторых погребений.

Особенно типичны богатые курганы, открытые в 40-х годах XX в. Б. А. Куфтиным в Триалетском районе Грузии. Захоронения эти представляют собой индивидуальные погребения вождей племени, которое, вероятно, стояло во главе союза племен.

В них были найдены расписные глиняные сосуды и много предметов, сделанных из драгоценных металлов: кубки, навершия для «штан-дартов», редкие образцы оружия, украшения в виде завитков, булавки.

Все изделия отличают зрелость устоявшихся, выработанных форм и большая пластическая насыщенность, весомость. Это относится почти ко всем предметам: сосудам с плавным изгибом широких плечиков и общей выверенно-найденной формой, к серебряным и золотым кубкам и украшениям. Везде крупные объемы, мягкость переходов одной формы в другую, их живая полнокровность. Это говорит о глубокой народности культуры, давшей подобные памятники, о ее расцвете, о том, что мастера работали непосредственно, с полнотой живого чувства и в то же время обладали значительными навыками и сложившимися древними традициями.

Триалетские курганы не составляют в Закавказье исключение. В 1948 г. Б. Б. Пиотровским было исследовано обнаруженное при строительстве богатое захоронение в г. Кировакане Армянской ССР, в разномобразном погребальном инвентаре которого также было открыто много художественных изделий. Как и в Триалети, в кироваканском погребении было найдено много предметов из драгоценных металлов и керамических сосудов.

В числе грузинских и армянских находок имеются очень типичные для эпохи и выразительные по художественному облику глиняные сосуды с росписью черной краской по красному ангобу, сосуды с беловато-желтым ангобом, покрытые черно-бурой росписью. Сделаны они в форме больших кувшинов без ручек или с двумя маленькими ручками на плечиках и предназначались для хранения воды и зерна. Строгие формы, уверенный, точный расчет в нанесении легкого орнамента, уравновешенность отдельных компонентов росписи, гармоничное распределение ее по форме кувшинов — все это говорит о высоком мастерстве неизвестных народных гончаров. Отдельные экземпляры достигают значительных размеров, более полуметра в высоту, свидетельствуя об умении достичь высоких художественных результатов в изделиях разных масштабов.

Сосуды с поверхностью, ангобированной красным, имеют роспись в виде треугольников, которые сбегает вниз по плечикам. Иногда они оканчиваются вытянутой петелькой, похожей на каплю. Внутри углы заполнены волнообразными или зигзагообразными линиями, которые изображают струи воды. Между некоторыми треугольниками беглыми движениями кисти нарисованы птицы, очень схематичные, с большими грузными телами, маленькими головками на длинных шеях и короткими ногами, а иногда изображения свастики (очевидно, солярные знаки). У этой группы сосудов в цветовом их решении доминирующим является основной красный тон ангоба, не густой, очень теплый, ровно, без переходов покрывающий всю поверхность. Заключенные в углы волнообразные линии и схематичные фигурки птиц воспринимаются как легкий, ажурный узор, нанесенный на приглушенно-теплый, как бы излучающий это тепло фон. Мягко изгибающиеся линии узора, так же как и прямые линии, образующие основные контуры треугольников, проведены свободно и уверенно.

Роспись сосудов с поверхностью, которая покрыта желтовато-белым ангобом, исполнена черно-бурой глянцевитой краской. Мотивы росписи: округлый меандр, спиральные волуты, извилистые и ломаные линии, шахматные поля и солярные символы (диски, концентрические кольца, розетки и т. п.). Сосуды эти не менее, если не более впечатляющи, чем сосуды с красным ангобом. Очень красивы, например, композиции на двух из них. На одном по средней части тулова и плечикам извивается змееобразная полоса, заполненная волнистыми линиями, а между изгибами помещены круги, будто зажатые кольцами змеиного тела. Это ощущение особенно сильно в связи с прекрасной прорисовкой мощного, как бы движущегося по кругу орнамента.

На втором, таком же большом кувшине с округлым туловом роспись нанесена в виде трех орнаментальных полос. Средняя, самая широкая, заполнена двумя рядами крупных завитков-волуток. Непринужденно прорисованные, сочные, темные завихрения, как гребни волн, вздымаются и ниспадают по всей окружности. Ни один из них не повторяет другой с абсолютной точностью, так как выведены они, очевидно, на глаз, без предварительной разметки. Все вместе они создают захватывающий ритм бесконечного движения, который столь свойствен росписи лучших образцов керамики Древнего Востока [4, рис. на стр. 50, 52 и 55].

В росписи этих сосудов беловато-желтый, кремоватый тон ангоба служит только сдержанным фоном для интенсивно выступающих на нем коричневатых черных деталей орнамента. Здесь ясно видна иная исполнительская манера, чем в орнаментации красноокрашенных сосудов с черной росписью: отсутствует наивно-выразительный лаконизм

росписей кувшинов первой группы, композиции усложняются, крупные орнаментальные элементы сочетаются с измельченными. Создается впечатление, что они выполнены более изощренными в своем искусстве мастерами, хотя сдержанная динамика, характерная для закавказского искусства в целом, свойственна росписи сосудов обеих групп. Расписная керамика триалетско-кировкаканского типа обнаружена по всему Закавказью: в Азербайджане у Кизил-Ванка, во многих местах Армянской ССР (например, в могильнике у селения Кафтарлу, на западном склоне горы Арагац, в районах Артика и Эчмиадзина). Самое восточное место ее находки — селение Зурнабад в Нагорном Карабахе [2, стр. 37].

Наиболее типичными образцами изделий из драгоценных металлов, открытых в триалетских курганах, являются два: серебряное ведро и серебряный кубок (высотой 11 см, диаметром 9 см), украшенные чеканными рельефными изображениями. Оба они пока что представляют собой уникальные находки и имеют параллели среди других закавказских памятников только в чисто стилистическом отношении.

Кубок массивен, твердо стоит на округлой ножке. Впечатлению монолитности способствует в большой степени и сама техника его изготовления — он выкован, вытянут из цельного куска серебра. На тулове вычеканены изображения, которые охватывают его двумя поясами: на верхнем — процессия из 23 человеческих фигур, а на нижнем — девять оленей-самцов с тяжелыми рогами и безрогих ламок. Как и весь сосуд в целом, формы отдельных фигур отличаются лаконизмом и ясностью. Переданы характерные контуры и пропорции животных, реальные соотношения отдельных частей человеческих фигур. Внутри контуров легкой чеканкой по рельефно выступающей поверхности нанесены главные детали одежды, черты лиц людей и выделены основные части тел животных.

Самый низ тулова кубка, от ножки, занимает пучок обобщенно трактованных широких плоских листьев. Такой прием встречается в искусстве Древнего Востока, и в частности в шумерском искусстве [см. 5, стр. 1551, фиг. 959]. Верх сосуда обрамлен орнаментальной полосой, разделенной вертикальными двойными линиями на участки, заполненные косой штриховкой, расходящейся в разные стороны. Это завершение зрительно оттеняет главный по смыслу верхний пояс: drobный ритм орнамента контрастен мерно-спокойному чередованию крупных фигур шествия.

Фигуры верхнего пояса связаны единым сюжетом: все они движутся в одну сторону, по направлению к фигуре, которая сидит на троне без спинки, стоящем на возвышении. Перед этой фигурой изображены трехногий жертвенник, большой сосуд на высокой ножке, какое-то священное растение и два длиннохвостых животных, может быть собаки. Очевидно, фигура, занимающая центральное место, — божество или лицо, возглавляющее процессию. В правой, поднятой руке оно держит чашу. Такие же чаши или кубки несут в правой руке и все участники процессии. Сцена на верхнем фризе кубка, несомненно, связана с культовой церемонией. Это подтверждается странным искажением черт лиц участников процессии, которые при внимательном рассмотрении оказываются масками, сочетающими антропоморфные черты со звериными. Ритуальный маскарад дополняется подвешенным к поясу каждого длинным и пушистым звериным хвостом [1, стр. 30—31]. Вероятнее всего, здесь представлена магическая церемония: изготовление и раздача священного напитка «жизни» или «бессмертия», связанного с культом божества плодородия.

Принцип размещения фигур на одном фризе, где последовательно разворачивается повествование, а также принцип равноголовия чрезвычайно характерны для искусства всего Древнего Востока. Перечисленные же моменты позволяют с полной определенностью говорить о связях грузинского памятника с искусством Передней Азии, в частности хетто-хурритского круга. В то же время такие композиции в большом количестве встречаются на бронзовых поясах, керамике и деревянных повозках с территории самого Закавказья.

Изображения на серебряном ведрке в стилистическом отношении несколько иные. Ведрко дошло в худшем состоянии, чем кубок: сохранилась только одна его сторона, и то не полностью. Поэтому лишь предположительно можно судить об общем решении композиции. Поддавшаяся реставрации часть ведрка густо покрыта профильными фигурами животных среди кустов и деревьев. Здесь козлы, серны, козули, олени двух видов и кабаны, крупные взрослые звери и детеныши. В груди некоторых торчат наконечники стрел: вероятно, передана сцена охоты. Очевидно, на утраченной половине были фигуры людей-охотников. Изображения животных и растений нанесены в более свободной, непосредственной манере, определяющей то тонкое эстетическое обаяние, которое исходит от этого произведения. Однако манера основана не на одной лишь интуиции мастера: в кажущемся на первый взгляд беспорядочном размещении фигур при чуть более внимательном рассмотрении читается определенный, продуманный строй. Животные спокойно идут вправо и влево, щиплют листья с деревьев или кустов, лежат, подогнув под себя ноги. Но кажется, что в нижних рядах больше крупных, а сверху — маленьких лежащих зверей, что как будто замедляет общий ритм. При очень небольшом размере изображений и естественной при этом некоторой обобщенности передано в основном контуром, но очень тонко главное, характерное в облике животных разных пород — черта, определяющая стиль всех изображений животных на плоскости и в круглой пластике в искусстве Закавказья II тысячелетия до н. э.

Живость и пластическую мягкость фигурам животных придает и нанесенная на их тела внутри общего контура фигур гравировка в виде насечек, полосок, которые расположены или елочкой, или просто рядами, косой штриховкой. Разнообразие в размещении этих линий на разных частях тела и на разных фигурах создает живописную игру светотени и придает композиции в целом большую декоративность.

Все животные, идущие и лежащие, изображены в профиль, с глазом в фас. Это элемент условности, характерный почти для всех рельефных изображений Древнего Востока. Но то, что фигуры зверей распределены по поверхности без каких-либо регистров, в поворотах вправо и влево и одни над другими, создает общее ощущение колеблющейся, движущейся массы.

Еще большее композиционное «упорядочение» заключенных в строгие рамки двух полос фигур оленей и людей на кубке — свидетельство более строгой организации композиций, связанной, очевидно, с ее культовым назначением. Можно также предположить, что кубок относится к несколько более позднему времени, чем ведрко.

Кроме тех предметов, о которых речь шла выше, несущих на себе изображения животных и людей, хотя и обобщенные в какой-то мере, но исполненные (особенно звери) живости и наделенные большей характерностью (позы, движения, силуэты), имеются еще изделия, украшенные фигурами схематизированными, превращенными в символы и скомпонованными по геральдическому принципу, когда две фигуры

противостоят друг другу. Ко второй группе можно отнести золотую чашу из Кировакана и золотой штандарт из Триалети. Подобные памятники позволяют говорить об определенной канонизации изобразительных принципов в закавказском искусстве на протяжении II тысячелетия до н. э. В них проявляется культура с многовековыми традициями, в частности, традициями изготовления изделий из металлов. Еще раз следует указать на то обстоятельство, что и они имеют многочисленные стилистические параллели среди закавказских памятников II и первой четверти I тысячелетия до н. э.

Самобытная культура Закавказья, хотя и развивалась в рассматриваемую эпоху в близкой взаимосвязи со странами Древнего Востока, успела достичь к этому времени и самостоятельного высокого уровня развития: в ней уже оформились определенные эстетические принципы и нормы их выражения в искусстве, представленном художественным ремеслом. Так, на ведрке и кубке — всюду большая четкость общих контуров фигур, лишь слегка выступающих над фоном, и живописная игра светотени благодаря проработке всех фигур гравировкой (особенно на ведрке). Контурные же тел животных на предметах, относящихся ко второй группе, изображены нечетко и поэтому немного расплывчаты. Они также выбиты изнутри, выпуклые, но равномерно одутловаты, без разнообразных переходов одной формы в другую. Орнаментально-схематичная гравировка на телах этих зверей, разбивая их на основные части, только подчеркивает общий декоративно-символический характер их трактовки.

Для группы предметов из драгоценных металлов, обнаруженных в Триалети, очень типичен также кубок из червонного золота, украшенный сканью, зернью и вставками — пастой, имитирующей бирюзу, и светло-розовым сердоликом. Декорация стенок кубка была изготовлена отдельно в виде вырезанной крупными спиральными волутами золотой аппликации [3, стр. 361, 362, 367]. Сдержанный динамизм силуэтов волут, монументальность их обобщенных форм и декоративность общего облика кубка — стилистические черты, свойственные многим образцам керамики, круглой пластики из бронзы и гравированным композициям на бронзовых поясах Закавказья II тысячелетия до н. э.

В нескольких курганах Триалети были открыты колесницы с четырьмя колесами (около 1,5 м в диаметре), сплошными, долбленными из дуба и с вертикально поднимающимися стенками кузова. Подобные деревянные колесницы были найдены в Шумере, в двух погребениях урского некрополя (первая половина III тысячелетия до н. э.). В этих аналогиях можно видеть лишь стадийное, а не временное сходство. На территории Закавказья колесницами с совершенно такими же, как в Шумере, колесами продолжали пользоваться, как подтверждают находки, много позже и на обширной территории.

Так, кроме Триалети хорошо сохранившиеся четырехколесные и двухколесные повозки второй половины II тысячелетия до н. э. были обнаружены на западном побережье оз. Севан у селения Адиаман, а затем в Лчамене.

Особенно важными для характеристики закавказского искусства эпохи являются декорация в виде резных панно на задних и передних досках ряда повозок. Нагнетенный ритм орнаментальных композиций из элементов в виде так называемой бегущей спирали, мерная торжественность размещения фигур козлов на других панно повозок из Лчамена, выразительный лаконизм форм голов быков на раме одной повозки из Триалети доказывают широту применения отмеченных выше

изобразительных средств, норм передачи окружающей действительности.

Искусство скотоводческих племен Закавказья эпохи Триалетских и Кироваканских курганов стояло на таком уровне развития, что вполне оправданно утверждение о местном происхождении значительной части открытых предметов. Уже существовали очень разветвленные отрасли художественного ремесла: ткачество и ковроткачество (найжены шерстяные нитки двух сортов — толстые пушистые и очень тонкие, плотные), гончарное ремесло, о характерных образцах которого речь шла выше, и изготовление предметов из различных металлов, начиная от бронзы и кончая драгоценными. Были уже известны литье,ковка, паяние, различные сплавы (меди, бронзы, серебра, золота), чеканка, штамповка.

Находки в богатых и рядовых могильниках на широкой территории Закавказья полностью подтверждают только что сказанное. В инвентаре каждого погребения имеются в большом количестве металлические предметы, составляющие декорацию одежды, а также являющиеся украшениями рук и головы — бляшки, пояса, браслеты, спиральные подвески и булавки для волос, фибулы и т. п.

Произведения искусства местных мастеров шли на потребу местному же населению, а также, что вполне возможно, и на вывоз в соседние районы Закавказья и в страны Передней Азии в ходе очень развитого межплеменного обмена. Они позволяют говорить как о единстве закавказской культуры с другими переднеазиатскими культурами, так и о ее большом, ярком своеобразии.

1. Амирнашвили Ш. Я., История грузинского искусства, т. I, Тбилиси, 1950.
2. Гуммель Я. И., Крашеная керамика в долине Ганджа-Чая, — «Известия Азербайджанского филиала АН СССР», 1939, № 5.
3. Тавадзе Ф. Н. и В. Ф. Баркая, Из истории обработки металлов давлением по археологическим материалам Грузии, — «Советская археология», 1954, XX.
4. Флиттнер Н. Д., Культура и искусство Двуречья и соседних стран, М.—Л., 1958.
5. Contenau G., Manuel d'archéologie orientale, vol. 3, Paris, 1931.